

УДК 37.01

**1. Методологические источники
неклассической теории****Бермус А.Г.****ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ.
ЧАСТЬ 2. ОПЫТЫ
РЕФЛЕКСИИ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: теоретическое познание, методологические основания педагогики, классическая, неклассическая, постнеклассическая философия.

Источником теоретической проблематизации неклассического типа является ситуация, в которой субъект сталкивается с необходимостью *практического соотнесения* себя самого с окружающей действительностью. Таким образом, неклассическая теория строится не как теория знания, но как теория действия, участия, практики, и в этом своем качестве она воплощает гетерогенность неклассической философской установки: на одновременное познание и преобразование мира (К. Маркс).

Подобное фундаментальное изменение позиции теоретизирующего субъекта приводит ко множеству последствий. Во-первых, центральными объектами теоретизации оказываются не объективированные значения, но процессы *придания и трансформации* значения (таковы весьма характерные для неклассической педагогики теории деятельности, алгоритмизации, поэтапного формирования умственных действий и пр.). Иными словами, описательная и классифицирующая функция педагогической теории оказывается второстепенной по отношению к продуктивной и управленческой.

Во-вторых, реализация неклассической теоретической установки связана с утратой своего рода «эпистемологической наивности», характерной для «натуральной философии». Именно тогда была сформулирована ключевая для классической теории мысль о внутреннем тождестве идеи (eidos) и мысли о ней (gnosis). В неклассической теории это изначальное тождество заменяется продуктивными противоречиями и несоответствиями знака и референта, знака и значения, значения и смысла. Несколько огрубляя, мож-

(Начало в № 8, 2009)

но сказать, что классическая теория базируется на философии тождества, неклассическая – на философии различия.

В логике этих различий происходит дифференциация собственно *научной деятельности*, связанной с выработкой определенных предметно ориентированных понятий, закономерностей и интерпретаций; *философской деятельности*, устанавливающей общие правила построения интерпретаций и рассуждений; и *идеологической деятельности*, осуществляющей синтез различных видов деятельности в некотором едином ценностно-смысловом пространстве. Важным свидетельством этой новой динамичной структуры является утрата интереса к универсальным классификациям (что было весьма характерным атрибутом классической теории) и активизация научно-методологической рефлексии соотношений между различными аспектами педагогической реальности.

Одновременно в рамках неклассической методологии нельзя уйти от идентификации политического измерения теоретической мысли. Мышление классической эпохи также содержало политический подтекст, однако он формулировался общим образом: можно было с изрядной долей условности говорить о прогрессивных или регрессивных тенденциях в научной и философской мысли. Неклассическая теоретизация предполагает гораздо более дифференцированную политическую идентичность мыслителя, теория начинает напрямую сопрягаться с идеологией тех или иных политических сил, и даже самые крупномасштабные попытки создания универсальных философских систем упираются в различия политических интересов.

В-третьих, меняется сам статус теории: от упорядоченной формы иде-

альных представлений, каковой она является в классическую эпоху, теория приобретает вполне определенную прагматическую ценность и, более того, «потребительскую стоимость». Сам феномен теоретизации начинает мыслиться в контексте властных, коммуникативных, профессиональных и иных отношений, т.е. становится инструментом решения субъективных проблем и задач. Вместе с этим происходит и трансформация субъективного статуса самой теоретической деятельности: она приобретает свойства рискованного предприятия, авантюры, не имеющей никакого иного логического и ценностного основания, кроме возможности получения прибыли (будь то прибыль в прямом, экономическом смысле слова либо же в видоизмененном качестве научного авторитета, популярности и др.).

Наконец, меняется смысл самого феномена теоретизации: теория как бы «выворачивается» наизнанку и перестает быть теорией объекта, но становится теорией ментальных или институциональных условий, в которых существование этого объекта (и, соответственно, концепта) оказывается возможным. Соответственно, операции систематизации и классификации явлений и событий в соответствии с некоторыми априорными логическими принципами уступают место более детальному анализу используемого языка, выявлению отношений между мыслительными и речевыми конструктами и, в конечном счете, определению отношений языка и мышления, которые делают теоретическую конструкцию возможной (так называемая гипотеза языковой относительности Сепира–Уорфа).

Неклассическая методология, в полном соответствии со своими базовыми принципами, помещает в центр

внимания не отдельные гуманитарные феномены (например, язык или мышление), но *соотношения* между ними. В этом динамическом соотношении внешний, объективированный феномен выступает в качестве средства реализации внутреннего значения: грамматика начинает опознаваться в качестве инфраструктуры мышления, поведение и деятельность структурируют ценностно-смысловые реальности, материальные различия обособывают культурную идентичность.

Таким образом, мы вновь приходим к уже высказанному тезису: проблема неклассической теории есть прежде всего проблема идентификации языковой, коммуникативной, категориальной системы, находящейся в ее основании. Особую роль в идентификации этой системы играют центральные образы, которые, в отличие от классического философского идеала, уже не образуют внеисторических сущностей, но представляются *динамическими расчленениями, циклами, контурами, вдоль которых происходит перенос и трансформация смыслов*. При этом сама теоретическая работа есть не что иное, как разматывание, идентификация образов, понимание их границ и соотношений, что делает технику интерпретации необходимым элементом любой неклассической теории.

Характерной особенностью перехода от классического к неклассическому способу теоретизации в педагогике является отказ от универсальной концепции *педагогического процесса*. Его место занимают множественные образы *педагогической и учебной деятельности, педагогического мышления и культуры, учебной мотивации или познавательного интереса*. Каждый из этих феноменов задается уже не столько логически, но – экспериментально, операционально. Соответ-

ственно, возрастает роль диагностического и инструментального оснащения исследований, создаются все более сложные классификации (таксономии), позволяющие с необходимой степенью точности объективировать любые образы (цели, методы, результаты, действия). В этом смысле теория программированного обучения, в той же мере, как и педагогическая квалиметрия, представляет собой яркий пример реализации неклассической теоретической установки, принципиально отталкивающей любые рассуждения о смысле и ценности образования в пользу более четких и диагностируемых критериев обученности, практической способности и др.

В последние годы, в контексте разработки неклассических моделей образовательной практики, особую роль начинает играть теория качества образования. При этом качество определяется как степень соответствия реальных результатов обучения тем или иным социальным ожиданиям: самих учащихся, их родителей, общества, государства и др. Соответственно, каждое образовательное учреждение и система оказываются перед необходимостью разработки собственной концепции качества, опирающейся на социальный запрос, реальные возможности и потребности вовлеченных в эту систему субъектов. Одновременно снижается и значимость государственного заказа, который, по сути, становится минимумом, гарантирующим от возвращения в дикое состояние, но все риски и затраты, связанные с инновационной деятельностью, относятся на счет самих действующих субъектов.

Вслед за многосторонней формулировкой приоритетов и целей в области качества разрабатываются столь же многосторонние процедуры отслеживания качественных показателей,

в числе которых и самооценка, и более традиционные процедуры лицензирования и аттестации, а также – достаточно инновационные формы различного рода рейтингов, обеспечивающих сравнимость результатов образовательных учреждений, действующих в одном образовательном пространстве.

2. Методология теоретико-педагогического познания в постнеклассической ситуации

В современной гуманитаристике достаточно укоренено представление об условности и произвольности любых границ. В частности, отношение неклассической и постнеклассической моделей в теории познания представляет собой один из наиболее характерных примеров подобной условности. К примеру, во французской философской мысли различие модерна и постмодерна носит весьма принципиальный характер, и в частности книга Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» рассматривается как вполне классический текст, отображающий возникновение в послевоенной Европе некоторой вполне оригинальной и в то же время тотальной социокультурной конфигурации.

Если же говорить о немецкой философской культуре и так называемой франкфуртской школе и ее наиболее известных представителях (Т. Адорно, Ю. Хабермас), то послевоенная ситуация рассматривается в качестве естественного продолжения проекта модерна, в связи с чем постмодерн интерпретируется как весьма ограниченное интеллектуальное направление, реализующееся в контексте «позднего капитализма».

Отправной точкой постнеклассической теоретизации является не событие или факт, как это было свой-

ственно теории классического или неклассического типа, но особого рода презумпция единичности и сингулярности события. Иначе говоря, никакая теория не в состоянии описать и объяснить реальность, но она может придать ей смысл, причем каждый смысл не может быть единственным: именно из этой, весьма неамбициозной и откровенно маргинальной позиции строится постнеклассическая теория.

В конечном счете, различие между первичными фактами и окончательными выводами заключается лишь в нашем желании утверждать нечто как единое и универсальное, и как только мы избавимся от этого базового желания систематизировать и поучать, характерного для классической теории, факт и интерпретация, опыт и теория уравниваются в своих претензиях на толику смысла. Соответственно, и теоретическая истина не может быть установлена раз и навсегда, но она становится абсолютно необходимым элементом нашей повседневной практики [1].

Здесь мы опять можем вернуться к крайне проблематичному и неоднозначному соотношению между неклассическим и постнеклассическим способами теоретизации. Действительно, если рассматривать классическую теорию как абсолютный уровень теоретического познания, то неклассическая и постнеклассическая теория представляют собой два последовательных отказа от достижений предшествующего периода.

То, что для классической теоретизации выступает как относительно независимые, но при этом генетически связанные между собой этапы объективации – преодоления единой истины, на уровне неклассической рациональности оказывается вполне самостоятельными попытками вы-

страивания *замков из песка*, не рассчитанных на сколько-нибудь длительное использование, чья полезность определяется лишь их потребительскими свойствами на момент создания. Соответственно, фундаментальный для классической теории сюжет самопознания абсолютного духа оказывается мелочной борьбой индивидуальных амбиций, не понимающих внутренней связности своих представлений. Отсюда следует и явная негативность постнеклассической теории: она утрачивает не только связность на уровне всей мировой истории и культуры, но даже – на уровне индивидуальной потребности, и представляет собой, по мысли Ж. Бодрийера, *ускорение в пустоте*.

Если же рассматривать эту же периодизацию в постнеклассической перспективе, то именно постмодерн оказывается радикальной попыткой преодоления многоликой метафизики, связывающей классическую и неклассическую рациональность. В этой логике и классика, и неклассика базируются на некоторой совокупности центрирующих весь процесс теоретического познания категорий: *принципах, ценностях, идеях, концепциях, практике, эффективности, тенденциях* и др. Иными словами, теоретизация представляется постоянным насилием над реальностью, попыткой ее линеаризации и структурирования, лишаящих главного – возможности осмысления уникальности со-бытия. Соответственно, будет ли это насилие осуществлено с позиций *универсальных ценностей* или столь же *универсальной и тоталитарной эффективности*, не столь уж важно.

Амбиция постнеклассической теории оказывается связана не с подавлением реальности и приведением ее к априорной схеме, но с открытием

пространства ее свободного осуществления, жестом, одновременно приглашающим к сотворчеству и лишаящим это приглашение любого рода обязательности или ответственности, с откровением новой реальности и ее одновременным дезавуированием в качестве той или иной подлинности.

Если же все-таки сосредоточиться на отношениях преемственности и различия, существующих между неклассическим и постнеклассическим способами теоретизации, то наиболее продуктивным здесь является обращение к феномену структуры и структурного анализа [3]. Истоки структурного подхода к построению гуманитарного знания находятся еще в глубине модернистской формации (В. Виндельбанд, В. Дильтей, Г. Риккерт). Сама же структуралистская установка рождается в момент одновременного отталкивания как от традиций естественно-научной рациональности, так и от метафизики экзистенциального гуманизма, полагающего в центр мироздания единичного волящего субъекта (Ж.-П. Сартр, А. Камю).

Однако по мере развития структуралистских методов в анализе художественного текста в какой-то момент сам структурный подход начал опознаваться в качестве прямого наследника классической установки на поиск метафизических оснований (так называемая философия тождества). Единственное, что отличало структурализм от характерных для XIX в. течений в научной и литературной критике – это замена «авторского» кода кодом литературным, однако и в том и в другом случае сохранялась метафизичность полученных конструкций.

Меняются и предметы интереса в структуралистском и постструктуралистском рассуждении: структурализм центрирован проблемой, как произ-

ведение *сделано*, т.е. какова конечная последовательность трансформаций, воплощающих переход от имплицитного смысла – к окончательному тексту и, наоборот, восстановление смысла – по его внешним, формальным структурам. В этом смысле структурализм оказывается закономерным порождением кантианства, только носителем трансцендентальных структур сознания оказывается не субъект, но – некоторый культурный гипертекст. Соответственно, структурное объяснение оказывается разновидностью номотетического (законосообразного) объяснения естественно-научного типа с единственным отличием: вместо природы сходную роль нормативного основания начинает играть языковая структура, порождающая всю совокупность написанных и потенциально существующих текстов.

Постструктуралистский анализ прерывает с идеей единства смысла и его прочтения и утверждает принципиальную несводимость текста к какой бы то ни было единственной интерпретации. При этом проблематизируется не то или иное структурное прочтение, но сама возможность обнаружения некоторого трансцендентального по отношению к случайной ситуации основания. Сам текст, равно как и его прочтение, становится *рядом расходящихся тропок*, движение по которым никогда не прерывается, а каждый шаг сопряжен с постоянной утратой/обретением нового смысла. Подобное блуждание лишено центра, и в связи с этим постструктурализм радикализует критическую установку структурализма на освобождение от романтического образа *автора-творца* и понимание произведения как следствия тех или иных трансцендентных по отношению к авторскому сознанию *законов жанра*.

Сами постструктуралисты предпочитают говорить о тексте как о содержательной альтернативе произведению. Произведение всегда монологично, оно представляет то, что «хотел сказать автор», оно требует обнаружения некоторого единого и единственного смысла, понимание которого оказывается высшей целью читателя. Текст же, напротив, есть бесконечное плетение «чужих слов», он возникает на стыке множества прочтений, он никогда не сводится к тому, что написано «внутри», но – включает всю потенциальную бесконечность интерпретаций и того, что может быть сказано «вовне». Самое же главное отличие текста от произведения – его сокрытость от самого себя; в тексте обнаруживается нечто, сказывающееся помимо воли автора, он никогда не может быть завершен, и, как следствие, он – никогда не совершенен.

Несмотря на то, что предложенная постструктурализмом картина отличается известным радикализмом и очевидным негативным пафосом, можно выделить несколько позиций, которые, даже несмотря на формальную деструктивность, могут рассматриваться как позитивная программа.

Во-первых, ставится задача освобождения от власти любого абсолюта, под которым понимается принцип редукции, сведения случающегося – к закономерному и законосообразному. Взамен постструктурализм утверждает абсолютную власть *difference*, что может быть переведено на русский язык как *различание*, т.е. *временная отсрочка, нетождественность, след*, одновременно ставящие под сомнение все предшествующие значения и дополняющие их новыми.

Во-вторых, постструктуралистская установка радикализирует и феноменологическую интенцию – к созданию

модели беспредпосылочного знания. В отличие от классической и неклассической теории, в той или иной степени обращающихся к противопоставлению глубинного и поверхностного, сущностного и случайного, ноуменального и феноменального, постструктурализм утверждает господство поверхности, за которой нет ничего. Меняется и ключевая метафора познания – от движения вглубь (как вариант – движение к вершине) оно становится скольжением по поверхности, постоянной сдвижкой, смещением.

Наконец, в-третьих, исчезает сама возможность ценностно-осмысленного действия, строящегося конструктивным образом, как упорядоченная логика, последовательность этапов. Взамен идеала органического развития приходит представление о бесцельном становлении, безгрешной свободе, никогда не находящей себе никаких оправданий и оснований, кроме того, что она – есть.

В этом контексте строится постструктуралистская теория понимания – не как модель извлечения априорного смысла, но как модель развития некоторого исходного отношения «я» и «ты» [5]. Вообще смысловая ткань произведения оказывается в большей степени связана не с его внутренней структурой, но с внешними диспозициями, носящими субъектный характер. Например, современный издательский процесс знает только фигуры автора, читателя, критика и теоретика литературы, а средневековая культура в этом отношении была гораздо более полифоничной. Так, фигура автора расщепляется на несколько взаимодействующих позиций: скриптора (переписчика готового текста), компилятора (соединяющего несколько трактатов в один текст, но не комментирующего его), комментатора (занимающегося

построчным комментированием и разъяснением текста) и собственно автора (излагающего свои мысли, опираясь на известных авторов).

Если же следовать этой логике и дальше, то любая постнеклассическая теория становится теорией осуществляемого движения, т.е. в конечном счете теорией самого субъекта. Правда, здесь опять-таки необходима оговорка: категория субъекта слишком тесно связана с классической рациональностью, задающей поле наиболее его метафизических оснований и значений – самостоятельность, активность, целенаправленность и др. Субъект в постнеклассическом рассуждении – есть случайность, атрибут движения, поэтому никакого универсального значения и тем более ценностной окраски выражение «теория субъекта» здесь не имеет.

Понятно и то, что главным объектом теоретизации выступает субъект, траектория движения которого связана с оперированием теми или иными концептами, т.е. интеллигенция (проект «Философия интеллигенции» [4]), а задачей подобной теории – реконструкция условий (фундаментальных различий, конструктов, контекстов), которые делают существование и функционирование интеллигенции возможными. Отсюда же возникает и методологическая установка: на анализ тематизмов, проблематизаций, окружающих феномен современной интеллигенции, стратегий позиционирования, реализуемых представителями «образованного сословия», и, как следствие, установление совокупности отношений, задающих пространство существования этого феномена.

Исходная метафизика представлений об интеллигенции связана с постулированием ее особого ценностного статуса: интеллигентного сознания,

включающего образы совестливости, искренности, человеческого достоинства и др. В то же время подобная идентификация является исключительно внешней: характеристика человеком самого себя как интеллигента выдает его не-интеллигентность.

Таким образом, рождается первая фундаментальная диспозиция: быть интеллигентным означает принципиальный отказ от использования этого знака для кодирования себя самого; соответственно, делается вывод о принципиальной скрытости феномена интеллигенции для самой интеллигенции. Интеллигенция представляет собой значение, которое открыто вовне, но для себя самого представляется пустым.

Именно сложность и внутренняя противоречивость самого феномена делают необходимым иной подход к определению интеллигенции как позитивной негативности, возобновляющегося понимания, лишенного определенного объекта и цели. В этом смысле любое из отношений-тождеств («интеллигенция – хранительница культуры», «интеллигенция – носительница языка», «интеллигенция – способность мышления») представляют собой некоторые внешние и уплощенные представления.

В каком-то смысле интеллигенция есть и то, и другое, и третье, однако столь же верно и то, что в функции интеллигенции входит проблематизация культуры, отрицание языка и деструкция мышления. Именно поэтому для интеллигенции весьма характерны и другие, внутренне противоречивые интенции: преклонение перед творчеством и, одновременно, консерватизм, безусловное одобрение общественного прогресса и повышения благосостояния человека – и презрение к богатству. Наиболее полное выраже-

ние эта противоречивость находит в отношении самого разговора на «интеллигентные» темы: постоянная потребность в отыскании *подлинной истины* тесно сопряжена с достаточно жестким (вплоть до открытого ерничества и похабства) неприятием прекраснотушных мечтаний.

В заключение отметим, что основные ходы постнеклассической теоретизации, по сути дела, совпадают с ключевыми проблематизациями, свойственными этому типу философского рассуждения [2]. Среди них:

1. Проблема жанра и контекста мышления. Эта проблема представляет собой все время возобновляющийся фокус рассуждений и состоит в ситуативной дифференциации предметных и контекстных значений. При этом весьма важным вопросом является статус самого процесса мышления и его событийная или средовая обусловленность. В конечном счете, в постнеклассической теоретизации вопрос о сущности или структуре объекта всегда обращается к вопросу о природе и структуре самой мыслительной установки, ее соотношении с тем или иным культурным пространством («философия переулка», «ресторанная теория» и др.).

2. Проблема металогики мышления. Особенность постнеклассической теоретизации заключается в крайне широкой трактовке самого феномена логики: эта категория становится объемлющей для различных последовательностей ситуаций, коммуникативных сюжетов, мыслительных рефлексий и др. При этом *обсуждение* текстов может не только следовать за их *прочтением*, но и *предвосхищать* его, т.е. ориентироваться на выявление априорных ожиданий и стратегий чтения.

3. Проблема стиля мышления: каждый сюжет теоретизации выполняется

в определенном стиле – изобретающем (направленность на создание новых концептов), избобличающем (направленность на установление некоторых фундаментальных диспозиций и обусловленностей), игровом (включающем читателя и критика в качестве равноправных участников в инициированную автором игру). Именно эта идентичность, построенная на собственной идентификации и выборе стилистики, оказывается более значительным детерминантом самого процесса теоретизации, нежели заранее выбранная и сформулированная цель. Еще одним аспектом этой же проблемы является избранная риторика построения теоретического текста: идет ли речь о *рассмотрении* некоторых феноменов, их *осмыслении*, *обыгрывании* или *риторическом обхождении*. По сути дела, этим предопределяется роль и функция языка теории в создаваемой конструкции.

4. Проблема источника теории и ее культурной традиции. Очевидно, что абсолютная свобода, предоставляемая автору теоретического дискурса, должна быть каким-то образом координирована в контексте существующей культурной и социальной практики. В связи с этим теоретизация нуждается в идентификации собственного фундаментального источника, в качестве которого чаще всего фигурирует клю-

чевая метафора, образ, структурирующий реальность тем или иным образом. Отметим, что традиционные для теорий классического типа метафоры системы, феноменологии, концепции являются вполне разрешенными и в постнеклассической перспективе, однако меняется их статус: из абсолютных или относительных ценностей познания они превращаются в фигуры речи, имеющие смысл опознавательных маркеров рассуждения, но не имеющие никакой субстанциальной глубины.

Литература

1. Бадью, А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / А. Бадью; пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М.: Логос, 2005.
2. Книга, которую никто не читал (Презентация книги А. Пятигорского «Мышление и наблюдение: Четыре лекции по обсервационной философии», клуб «Проект О.Г.И.», Москва, 1 октября 2002 г.) // НЛО. 2002. № 58.
3. Косиков, Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.
4. Кралечкин, Д. Философия интеллигенции / Д. Кралечкин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://censura.ru>.
5. Троицкий, С.А. Понимание в условиях структуры и в условиях ее отсутствия / С.А. Троицкий // Философия образования: сб. материалов конф. Сер. «Симпозиум». Вып. 23. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 54–64.